

Адеман, полный возбуждения, всеми четырьмя своими драконьими лапами с острыми длинными когтями впился в каменный пласт под собой, а осколки породы разлетались во все стороны под искрами, высекаемыми из-под его зубов.

Его драконье тело дрожало от предельного волнения и восторга, в груди словно бушевало пламя, готовое в любой момент прорваться сквозь чешую — каждая бледно-зелёная драконья чешуйка стояла дыбом, раскалившись добела, словно языки пламени, и даже воздух вокруг слегка искривился от жара.

Он вспомнил, как директор Ли, с которым они прежде сотрудничали, с фанатичным воодушевлением рассказывал о походе на концерт своего кумира:

— Слово всего тебя обдали кипящим маслом, чувствуешь себя так, будто разом помолодел лет на десять.

Именно это Адеман сейчас и ощущал.

А всё потому, что причиной, побудившей его начать чтение этой манги, стала внешность Эльфийского Короля на обложке — божественная красота, сошедшая с небес, и идеальные линии рельефных мышц. Она заставила замереть в восхищении даже его, человека, считавшего себя убеждённым натуралом.

В следующую секунду Адеман почувствовал, как железные цепи на его ногах размягчились и расплзлись, словно сырая глина, и его гигантское тело помимо воли поплыло вверх.

Однако в поле зрения предстало вовсе не ангельское лицо Эльфийского Короля, а гора, превосходившая размерами его собственное тело.

Приглядевшись, он понял, что эта возвышенность целиком состоит из нагромождения тел гоблинов.

Извилистыми змейками текла зелёная кровь, уродливые конечности переплелись в диком хаосе, а едкий, тошнотворный смрад вперемешку с запахом тления ударил прямо в нос. На него мгновенно накатила волна головокружения, и Адеман не удержался от позывов к рвоте:

— Бр-р...

Из его пасти один за другим вырвались огненные шары, в мгновение ока поглотившие гору трупов гоблинов внизу.

— Дракон, закрой пасть.

Внезапно раздался мелодичный, но властный голос, от которого веяло непререкаемым холодом:

— Если пострадает принцесса, я не побрезгую приготовить из тебя сочные куски драконьего мяса и скормить их своим сородичам.

Адеман вовсе не желал стать деликатесом на столе у Эльфов сразу же после перемещения в другой мир.

В начале романа Эльфийский Король был для главного героя-человека абсолютным, безжалостным злодеем.

Свою доброту он проявлял исключительно к соплеменникам, и Шэнь Боянь в бытность свою человеком очень ценил такую черту, как преданность «своим», поскольку и сам был склонен защищать близких.

Однако после смены расы ситуация приняла несколько скверный оборот.

Адеман поспешно и взволнованно заговорил с ним на эльфийском языке:

— Погоди-погоди, братец, возможно, я смогу помочь тебе отыскать принцессу.

Эльфийский Король опустил взгляд. Его бледно-золотые пряди волос переливались в лучах света, пробивавшихся сквозь толщу скал, сияя ярче звёзд и затмевая даже солнце на небосводе.

Его узкие глаза смотрели холодно и отрешённо, а в голосе не было ни капли тепла:

— Если ты меня обманешь, то знаешь, чем это кончится.

Адеман энергично кивнул. В этот момент его исполинское тело было подвешено в воздухе вниз головой — Эльфийский Король, уступавший ему в размерах в добрые несколько раз, держал дракона за одну из задних лап, и вид у него был крайне жалкий.

В этот самый момент снизу раздался старческий, хриплый голос:

— Линь Шо, Король Эльфов, не забывай, что коварные и зловещие Драконы искуснее всех умеют лгать и убивать.

Адеман, ныне сам ставший Драконом, без малейших колебаний парировал выпад, и в его голосе зазвучал металлический оттенок:

— Лгать? Ошибаешься. Ложь Драконов продиктована лишь желанием скрыться от мира. Что же до убийств — разве мы истребляем чужаков не ради самозащиты, когда они сами первыми нагло бросают нам вызов?

Уродливое создание, доводилось ли тебе слышать о том, чтобы Драконы захватывали чужие земли, похищали женщин других рас, отнимали чужую еду или оружие?

Голос умолк, очевидно, не найдя, что возразить Адеману.

Линь Шо поднял изящный тонкий палец и легко поманил им в сторону земли. Оттуда, помимо своей воли, вверх поднялся старый, уродливый гоблин, с ног до головы испачканный зелёной кровью, опиравшийся на клюку и закутанный в грубое полотно.

Глядя на престарелого гоблина, Линь Шо презрительно обронил:

— Не думаю, что от тебя можно дожидаться вестей о принцессе.

А затем добавил с насмешкой:

— В конце концов, поступки ваших сородичей куда отвратительнее вашей внешности.

Адеман мысленно усмехнулся: вот это поистине язвительный язык.

Однако старый гоблин вовсе не разгневался на колкости Линь Шо. Он лишь опустил голову на грудь, глядя на лежавшие внизу груды тел, и тяжело вздохнул:

— Если бы у нас был выбор, гоблины не стали бы размножаться таким путём...

Очевидно, уровень этого гоблина был куда выше, чем у того тупого существа, у которого на уме было лишь одно размножение, встреченного Адеманом ранее.

Висящий вниз головой Адеман холодно усмехнулся, скрестив лапы на груди:

— Даже заполучи вы самок, вам всё равно не искоренить разбойничья ген, вбитый в самую вашу плоть и кровь.

Старый гоблин снова умолк. Он поднял глаза на ярко-синее небо над каменным лесом, словно погрузившись в воспоминания.

Спустя долгое время его старческий голос зазвучал вновь:

— Пожалуй, ты прав. В конце концов, моя мать была эльфийкой... Вот только, произведя меня на свет, она убила моего отца, а затем покончила с собой. Я до сих пор живо помню ту картину...

Всюду зелёная кровь, голова отца отрублена и валяется в стороне, а она смотрит на дрожащих меня и остальных братьев и сестёр, ещё не появившихся на свет, — и без малейших колебаний обрывает собственную жизнь о первый попавшийся острый камень.

Его глаза внезапно наполнились глубокой скорбью, и на фоне изрезанных глубокими морщинами черт лица это зрелище казалось донельзя жалким и убогим.

— Вы схватили её лишь затем, чтобы использовать как инструмент для продолжения рода.

Голос Адемана оставался бесстрастным:

— Она лишь выбрала способ умереть с достоинством.

Когда Шэнь Босянь читал эту главу в манге в прошлой жизни, ему жутко хотелось раскритиковать автора за совершенно лишённую логики жалость к этому старому гоблину.

— Но... они все погибли! Мой отец, мои братья и сёстры... Для гоблина, способного мыслить с самого рождения, это было невероятно жестоко.

Уровень и интеллект гоблина предопределены с момента появления на свет.

— А я... — он вновь поднял взгляд на Эльфийского Короля, и его глаза пылали, а голос вдруг сорвался на крик: — Разве могут эльфы, обладающие почти вечной жизнью, и Драконы понять, насколько отчаянно жаждут солнечного света гоблины, чей век длится всего двадцать пять лет и которые вынуждены изо дня в день прозябать в кромешной тьме подземелий? Вам вовек не представить этого!

Произнося эти слова, он так сильно дрожал от переполнявших его эмоций, что в его глазах вспыхнул почти безумный блеск.

— Так вот почему вы похитили эльфийскую принцессу, возмечтав осквернить нашу чистую кровь своей мерзкой грязью? — голос Шо Линя звенел от холода, способного заморозить воду.

— Верно... только... ничего не вышло...

Старый гoblin приподнял свои сморщенные руки, и в его голосе зазвучало предельное разочарование:

— Пусть я больше не боюсь солнечного света, но мой век всё так же короток — мне уготовано прожить лишь двадцать пять лет...

— Сдохни!

Едва слова Линь Шо затихли, как в его руке сформировался ослепительный шар чистой энергии, который стремительно помчался прямо на старого гоблина.

— Братец, берегись!

Предупреждение Адемана запоздало — на лице старого гоблина внезапно расцвела зловещая

улыбка, а в его руках мгновенно возникло клубящееся облако иссиня-чёрного света. Извиваясь подобно смертоносной змее, с молниеносной скоростью оно ринулось вперёд, целясь прямо в него и Шо Линя...

Эх...

Адеман с досадой вздохнул про себя.

Вот оно что. Оказывается, то самое проклятие тьмы Поглотителя, что пало на Эльфийского Короля, зародилось именно так.

<http://bllate.org/book/19479/1909560>